

Газета Л.Р.

141-90

ПРЕДСТАВЛЯТЬ читателю Льва Разгона нет необходимости. Цикл рассказов «Непридуманное» поставил их автора в ряд с лучшими писателями-мемуаристами с горькой и трудной судьбой: Варламом Шаламовым, Евгением Гинзбургом, Надеждой Мандельштам, Олегом Волковым. Есть какая-то закономерность в том, что всех этих авторов печатал журнал «Юность». Отсюда естествен, на мой взгляд, и первый вопрос собеседнику.

— Лев Эммануилович, публикация «Непридуманного» в «Юности» — случайность или желание автора, чтобы его воспоминания прочла молодежь?

— В том, что публикация появилась в журнале «Юность», никакой моей заслуги нет. Это — инициатива журнала. Скажу больше, ведь «Непридуманное» писалось не для публикации — я был совершенно уверен: никогда в жизни напечатанным это не увижу. Я писал свои рассказы на протяжении многих лет, время от времени движимый не столько желанием увидеть книгу моих автобиографических повестей и рассказов, сколько внутренним долгом, понимая: что могу рассказать я, никто за меня этого сделать не сможет. И пусть не я, но мои близкие, потомки, потомки моих друзей когда-нибудь это прочтут. И я писал с ощущением некоего счастья, как это ни странно. Некоторые меня спрашивают: как же так, опять воротишь все в своей душе? А я отвечаю: никогда за всю свою долгую литературную жизнь не испытывала я такого счастья. Это писал с свободный человек, без оглядки на возможность публикации, на редактора — не только внешнего, но и внутреннего. Еще раз скажу вам: какое это великое счастье — писать даже о самом страшном свободно!

Публикация книги была для меня совершенно неожиданной. Я иногда читал моим друзьям какие-то отрывки, и однажды мой старинный друг Михаил Шатров взял и, ничего не говоря, отнес мой рассказ «Жена президента» в «Огонек». После этого ко мне пришел другой мой друг — Кирилл Ковалычжи, работающий в «Юности», взял рукопись, а через два дня мне позвонили из журнала и попросили прийти и начать работать над ней. И точно так же, как в сказке, у меня дома возникла молодая женщина из издательства «Книга», и ровно через год я уже держал свою книгу в руках.

— Много писем получили вы от читателей?

— Почта огромная, буквально мешки писем из «Юности», из «Огонька», из издательства. Это, конечно, разные письма, но многие из них содержат отчаянный вопрос, составляющий сейчас главный предмет моей деятельности как члена общественного совета неформальной организации «Мемориал». Так вот этот вопрос: куда девались наши близкие? Люди не представляют той странной, единственной в мире империи, которую Солженицын навсегда назвал «Архипелаг ГУЛАГ». Я получаю, к примеру, письмо: «Вы упоминаете Устюмлаг. Я знаю, мой отец был там, а потом перестал писать. Может быть, вы встречали его...». Мне приходится отвечать: «Милые мои, Устюмлаг — это 24 лагерных пункта, раскиданных друг от друга на сотни километров, и в каждом таком лагпункте — тысячи людей. Эти тысячи не живут стабильно, потому что... Потому что, например, наш московский

ТАКАЯ СУДЬБА

Писатель
Лев РАЗГОН:

«Мы от крика оглохи»

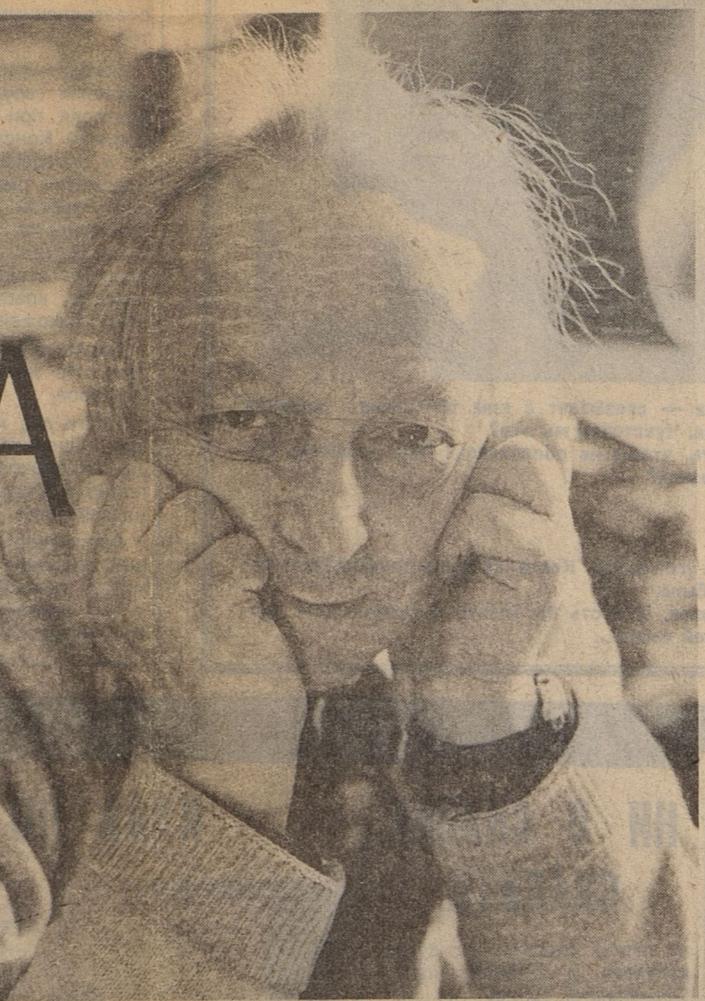
этап, который осенью 38-го года прибыл на 1-й лагпункт Устюмлага, насчитывал 517 человек. Весной 39-го в нем оказалось только 22 — остальные в первом же зиму погибли. Поэтому говорить о возможности встреч почти не приходится».

И тем не менее чудеса встреч были. Ну, например, я получил письмо с Украины от дочери одного из героев гражданской войны, героя штурмовых ночей Спаска и волочаевских дней Якова Покуса, комкора. Она пишет: как ей сообщили, ее отец умер в 1940 году в Устюмлаге. Не знаю ли я что-нибудь о нем? Я ответил ей: «Ваш отец умер не в 40-м году, как вам солгали, как лгали тысячам родственников, а весной 43-го, я сам его хоронил. У нас было хорошее начальство — разрешило похоронить его по-человечески: в той одежде, в которой он был арестован, в нормальном гробу...». Но такие случаи, встречи, повторяю, были редчайшими.

— Что все-таки помогало выжить там?

Человек остается живым в лагере... Это так же трудно объяснить, как, например, солдат вам бы попытался объяснить, почему он не был убит, а его товарищ, бежавший в атаке рядом, погиб. Это — стечения множества обстоятельств, случайностей, везения, чего угодно, только не здоровья. Скажу больше: в лагере погибали прежде всего самые здоровые люди, крестьяне, привыкшие к физическому труду. Они становились жертвами большой пайки. Я поясню это. Человек, выходящий утром на работу, получает 400 граммов хлеба и миску баланды. Если он выполняет норму, то получает еще 600 граммов хлеба и снова миску баланды. А вместо второго блюда — еще 200 граммов. Перевыполнивший норму получает еще и так называемое премиальное блюдо, то есть еще 200 граммов хлеба. Основную массу в лагере составляли не утки или политические, как считают многие, а рабочие и крестьяне, мужики. Так вот, они, прия из голодных деревень, старались работать хорошо, но оставались голодными и погибали от алиментарной дистрофии, то есть от голода, через 2–3 месяца. Расход энергии не покрывался. На общих работах выжить было невозможно. Выжили только те, кто умел что-то делать. Вот Иван Денисович, помните, умел класть кирпич...

— Некоторое время назад в «Огоньке»

взвешено четкий или национальный характер, или связан с невозможностью использовать свой талант, способности. Уезжают, например, немцы — по понятным соображениям. Покидают страну армяне и евреи — у них сильен страх перед тем, что было или, по их мнению, может повториться. Уезжают музыканты, чьи способности здесь либо вовсе не использовались, либо варварски эксплуатировались. Уезжают танцовщики — по тем же самым причинам; молодые ученые. Ученому, который не может реализовать себя, потому что у него в лаборатории оборудование каменного века, надо помочь поехать туда, где он сможет работать по-настоящему. Надо помочь уехать, но с возможностью вернуться. Безвозвратный отъезд безнравствен и негражданствен. Не надо относиться с ужасом к тем, кто уезжает. Да, существует утечка умов, но давайте создадим условия для уезжающих здесь, чтобы они не уезжали, а уехавшие — вернулись.

— Как складывается ваш день?

— Я читаю очень мало, потому что нет времени! Кто из нас раньше читал газеты? Никто, то есть их чтение занимало 5 минут. А сейчас я выписывают уйму газет и все их перечитываю, одни с большим интересом, другие — с меньшим. Читаю также массу журналов. Но что я в них читаю? Признаюсь: публицистику и мемуары. Думаю, я не являюсь исключением. И не потому, что у нас нет прозы, которая не заслуживала бы внимания, а потому, что есть страстное желание знать не придуманное, а действительное. В этом сказывается огромное желание знать правду в ее словарном обозначении и самому решать и делать выводы. Помните, наверное, строчку Твардовского: «...над ухом только не дышите». Я думаю, у каждого из нас есть это требование: не дышите над ухом, тем более что десятилетиями в это ухо кричали, и мы от этого крика оглохли.

Теперь я хочу несколько слов сказать о нынешней молодежи — ответить на вопрос, который вы бы мне все равно задали. Я не разделяю мнения тех, кто относится к ней пренебрежительно, считает ее порочной, неспособной к активной деятельности. Если мы и можем на что-нибудь и на кого-нибудь надеяться, то это — молодежь. Ведь всей организационной работой по созданию общества «Мемориал» занимались не мы, старики, а — молодые. Они не жалуют сталинизма в любых его проявлениях. Сейчас молодежь сдает свои главные экзамены. Я думаю, главным испытанием ее политической сознательности, ее стремления самим построить свою жизнь будут выборы в Советы. По существу, это будет сражение между силами командно-административной системы, которая сделает все возможное для того, чтобы хоть самую малость закрепиться и удержаться, и молодежью, которая хочет другой жизни, достойной, в которой не будет надзирателей и надсмотрщиков и необходимости подчинять им свои знания, волю, талант. И, кроме того, эти выборы будут означать для нашей молодежи возможность политического и духовного самовыражения. И я, будучи оптимистом, ибо, не будь я оптимистом, мы с вами сегодня не беседовали, верю, что этот главный экзамен для всего нашего общества молодежь выдержит.

Беседу вели
Владимир НУЗОВ.

появился материал о Борисе Дьякове, авторе «Повести о пережитом». Приведено, в частности, его заявление в органы, в котором он с какой-то истерической добровольностью признавался в доносительстве. А совсем недавно он же делился с телезрителями своими творческими планами. Что вы думаете об этом?

— По-моему, Борис Дьяков не представляет собой личности, о которой стоило бы много говорить. Только что опубликовано письмо Твардовского Федину в связи с Солженицыным, в котором он пишет, что напрасно Константин Александрович приписывает успех Солженицына материалу, теме. Ведь гораздо раньше появились воспоминания Дьякова, а кто их помнит? Никто. И действительно, их забыли потому, что в них отражена ничтожная личность, придурившаяся лепилой в лагерной поликлинике. Пробил он в лагере недолго, но нравственные качества стали понятны после публикации в «Огоньке». Надо сказать, что лагерь не делает человека ни хуже, ни лучше.. Если человек сухин сын, он и там им остается. Я не согласен с Шаламовым, утверждавшим, что неволя действует на человека только отрицательно. Если бы это было так, у нас не было бы Достоевского, немыслимого без «Записок из мертвого дома».

— Сейчас общественность обратила внимание на наши места заключения, требует доступа к ним, контроля, освещения их работы в печати. Вас эта проблема затрагивает?

— Безусловно. На мой взгляд, нынешние тюрьмы, лагеря, колонии ничем не отличаются от сталинских, а может быть, в

взвешено четкий или национальный характер, или связан с невозможностью использовать свой талант, способности. Уезжают, например, немцы — по понятным соображениям. Покидают страну армяне и евреи — у них сильен страх перед тем, что было или, по их мнению, может повториться. Уезжают музыканты, чьи способности здесь либо вовсе не использовались, либо варварски эксплуатировались. Уезжают танцовщики — по тем же самым причинам; молодые ученые. Ученому, который не может реализовать себя, потому что у него в лаборатории оборудование каменного века, надо помочь поехать туда, где он сможет работать по-настоящему. Надо помочь уехать, но с возможностью вернуться. Безвозвратный отъезд безнравствен и негражданствен. Не надо относиться с ужасом к тем, кто уезжает. Да, существует утечка умов, но давайте создадим условия для уезжающих здесь, чтобы они не уезжали, а уехавшие — вернулись.

— **Лев ЭММАНУИЛОВИЧ**, над чем вы сейчас работаете?

— Чисто литературными делами занимаюсь мало. Я написал еще несколько рассказов, часть из них (три) будет, вероятно, напечатана в 4-м номере «Юности». Но сказать, что я продолжаю расширять старый цикл, не могу. Мое главное внимание занимает сейчас общественная деятельность.

— Это дела «Мемориала»?

— Не только. Речь идет о том, что можно и нужно сделать, чтобы снять напряжение, в котором находится наше общество. Я имею в виду не экономическое, а нравственное напряжение: озлобленность, раздражение, которые проявляются во всех сферах жизни, в самых разных пластах общества.

Меня, всю жизнь занимавшегося детской литературой, детьми, очень волнуют эти проявления у детей. Я полагаю, мы являемся свидетелями необыкновенной суеты, которая называется перестройкой нашего образования. Как и многие другие телезрители, я с интересом смотрю телефильмы о других странах. Вот, не так давно показали фильм о Голландии. У меня чуть не брызнули слезы зависти, досады, горечи — не когда показывали прилавки магазинов — это огромное изобилие продуктов, вещей, товаров. Нет. А когда я увидел школу, детей. Я увидел свободных ребят, детей, которые воспитываются в состоянии свободы. Это, на мой взгляд, главнейшее достижение западной цивилизации. И самым жестоким ударом по нашему народу, по нашей нравственности является то, что на протяжении десятков и десятков лет наши дети воспитываются несвободными. Они и вырастают несвободными людьми, и поэтому живут в несвободном обществе. И ничего не делают, чтобы общество стало свободным. Я говорю это совершенно ответственно. Скажу больше, школа 20-х годов была намного свободнее нынешней. Учителями тогда были высокообразованные люди, преподаватели гимназий — других еще не было. Казалось бы, они должны были привнести в советскую трудовую школу что-то чуждое, царское. Прочтите Гарина-Михайловского, воспоминания нашего прекрасного современника Вениамина Каверина о старой гимназии, и вы поймете, что в той старой гимназии, где работали педагоги, где существовали всяческие запреты, было и чувство уважения учителей к воспитанникам, и, следовательно, воспитанников к учителям. Там все-таки начинала с 3-го класса к ученикам обращались: «Господа». И им говорили: «Вы». А в нашей школе, во всей воспитательной системе, начиная с детского сада, ребенок попадает в обстановку несвободы, им командуют, он перестает быть субъектом, а становится только объектом. Как горько сказал об этом когда-то Борис Житков, педагог рассматривает ученика, как столяр доску: что бы еще сострогать? И когда я читаю материалы наших педагогических конференций, съездов, я не вижу стремления перестроить отношения между воспитателем и воспитуемым. А это — главное.

— Много семей и одиночек уезжают из Союза. Связываете ли вы отъезды с процессами, происходящими в стране?

— Я не думаю, чтобы отъезд носил какой-то всеобщий характер. Он носит со-